

Однако ни Уриэль, ни другие последователи не проявили ни малейшего сочувствия к его страданиям.

В следующее мгновение Уриэль снова принял тот облик, который он показывал Гу Цину, и подошел, чтобы помочь встать на ноги последователю в тёмно-фиолетовой мантии:

— Мой ребёнок, Сет, скажи мне, удалось ли тебе успешно пересадить семя сопротивления в его разум?

Ты должен понимать, что он, как и ты в своё время, был невиновен, предан всем миром, и всё же его использовали, даже самые близкие люди. Сейчас мы нужны ему, и он нужен нам.

Теперь скажи мне, ты справился?

Последователь по имени Сет, с глазами, полными слёз, кивнул.

Улыбка Уриэля расширилась, и, хотя в его глазах не было ни капли тепла, его слова звучали мягко и ласково:

— Ты сделал хорошо, мой ребёнок, очень хорошо.

Тем временем Гу Цин вместе с Улиссом вернулись на планету Айта. Небольшая ранка на губе Гу Цина уже затянулась, и теперь он смотрел на Улисса, распространяющего хвалебные речи о Святом учении, как на полного дурака.

Гу Цин щёлкнул пальцами.

Улисс покачнулся, поднял голову и встретился с пронзительным взглядом Гу Цина. Не до конца понимая, что произошло, он содрогнулся.

Спустя некоторое время Улисс произнёс:

— Э-э-э.

Он всё же смог выговорить целое предложение:

— Это были талианцы.

— Верно, — глаза Гу Цина блестели холодным светом, и теперь он не выглядел человеком, ослеплённым ненавистью. — Они использовали талианцев, чтобы внедрить свои идеи.

Они умны. Они не просто навязывают свои мысли, а заставляют объект контроля самому прийти к этим идеям, а затем расширяют и углубляют их.

Таким образом, объект контроля даже не поймёт, что его контролируют.

Улисс замялся:

— А ты? А я? Подожди, тот талианец ведь прочитал мои воспоминания, чтобы найти тебя?

— Они прочитали часть твоих воспоминаний, чтобы найти меня, — Гу Цин не стал говорить, что знал о том, что Улисса нашли последователи Святого учения, ещё до того, как это произошло. Если бы талианец использовал телепатию, он не смог бы прочитать реальные воспоминания, ведь Улисс находился под его защитой, хотя сам Улисс, узнав об этом, вряд ли был бы рад такому прикрытию.

Лицо Улисса выражало смесь эмоций, и в конце концов он с облегчением сказал:

— Значит, ты на самом деле не был под контролем. Как ты это сделал? В тот момент ты выглядел так, будто вот-вот разрываешься, и мне даже стало тебя жалко.

О, я действительно был под влиянием. Если бы я не был под влиянием, я бы, наверное, злорадствовал. Нет, я хочу сказать, я бы был в полном недоумении, ведь ты такой чудовище, как у тебя могла быть такая нормальная реакция.

Гу Цин:

— О, спасибо.

Улисс:

— Вот видишь.

— Ты не сказал, как тебе удалось избежать контроля, мне очень интересно. И ты вообще Су Чэнь? Я думаю, что нет. Ты, может, когда пробудил своё сознание, Су Чэнь выпал, а ты принял его образ и мысли? Что? Почему ты так на меня смотришь?

Взгляд Гу Цина стал далёким и глубоким, как бездонная пропасть. Улиссу стало не по себе, прежде чем он услышал:

— Ты знаешь слишком много.

Улисс:

— ... Я просто так сказал.

Гу Цин вернулся к своему обычному виду и улыбнулся:

— Я тоже.

Улисс:

— Чёрт!

Но Гу Цин так и не объяснил, почему он оказался невосприимчив к телепатии талианцев. На самом деле всё было просто: способности талианцев к контролю разума были ничтожны по сравнению с Гу Цином, усиленным усилителем разума, созданным из кристалла Нэйчоэр.

Даже без усилителя разума Гу Цин, даже если бы и попал под контроль, быстро бы заметил неладное.

Хотя нет.

Без усилителя разума Гу Цин, вероятно, не пошёл бы. Нет, учитывая его характер, он всё равно бы пошёл, но заранее подготовился бы ко всем возможным сценариям. Как и с его прикрытием Улисса, он заранее продумал множество вариантов развития событий, включая возможность попасть под телепатический контроль.

Эх, его стремление к контролю явно неизлечимо.

В любом случае, Гу Цин не так-то просто подчинить, тем более что это так называемое Святое учение с самого начала выдавало множество несоответствий.

Когда Уриэль приглашал его, его слова звучали крайне противоречиво. Например, он говорил, что Святое учение всемогуще и всезнающе, но потом вдруг добавил, что им нужен Гу Цин и его ресурсы.

Кроме того, Уриэль смог найти его через Улисса и знал такие секретные вещи, значит, он явно что-то сделал с Улиссом.

И ещё одно очевидное и смешное несоответствие: Святое учение, проповедующее равенство всех, внутри явно разделено на уровни, что видно по цвету и убранству их мантий.

Кроме того, Гу Цин не был уверен, знал ли основатель Святого учения значение свастики, чтобы продемонстрировать свои амбиции.

Или же культура Земли, дошедшая до наших дней, была настолько неполной, что основатель, создавая учение, просто собрал в кучу разные элементы той эпохи.

И информации, которую Гу Цин получил на этот счёт, было гораздо больше. Видимо, талианцы дали последователям Святого учения столько уверенности, что Уриэль действовал крайне небрежно, или же он просто не продумал всё до конца, но они раскрыли слишком много того, что не стоило раскрывать.

Конечно, у Святого учения есть и свои достоинства.

Телепатический контроль, основанный на мыслях, — одно из них. То, как они смогли так тщательно изучить историю семьи Су, — другое. И то, что им удавалось оставаться невидимыми для множества сил на протяжении стольких лет, — тоже немаловажно.

В конце концов, талианцы были их козырем, и они вряд ли стали бы использовать его без необходимости. Как же они так быстро получали информацию из первых рук?

И как они узнали так много о прошлом Су Хуайлана и его истинной сущности?

И как они взломали систему безопасности, считавшуюся неприступной?

Скорее всего, они были там, рядом с теми, кто имел отношение к этим событиям.

Но при этом оставались незаметными, «невидимыми».

[Авторская заметка]: Гу Цин: Интересно.

Из любопытства к Святому учению Гу Цин начал изучать его более глубоко.

Тем временем в Межзвёздной Федерации нарастали настроения в пользу войны.

Несмотря на то что Федерация провозглашала мир и демократию, за многие годы она не раз сталкивалась с Империей Бегемот, и можно сказать, что в её основе лежал воинственный дух, иначе бы она не развила так называемую духовную силу, а мехи не стали бы самым почитаемым направлением в Федерации.

На этот раз не только сенатор Су Хуайлан выступал за то, чтобы уничтожить угрозу в зародыше; даже федеральный маршал Энтони Ояо, который до этого не проявлял особой активности, начал склоняться к военным действиям.

В конце концов, они не воспринимали эту новую силу всерьёз.

Однако большая часть граждан Федерации не обращала на это внимания. Вместо политических игр они предпочитали низвергнуть Августа с пьедестала, хотя именно они когда-то вознесли его туда.

Август оказался в центре скандала.

Военное ведомство не отстранило его от должности, но обязало пройти курс психологической

терапии, чтобы избавиться от так называемого синдрома заложника.

Луи Август потер виски:

— Это даже к лучшему.

Август:

— Отец?

Луи Август усмехнулся:

— Если я до сих пор не понял, кто стоит за всем этим, то я зря занимал место в федеральном совете.

Август задумался:

— Вы имеете в виду сенатора Су?

— Кого же ещё, — Луи Август положил папку на стол. — Несмотря на его видимое спокойствие, он более амбициозен, чем кто-либо. Его собственный сын для него — лишь инструмент, который можно принести в жертву ради выгоды.

Су Цзинь, гений с уровнем духовной силы S, явно не был тем, о ком говорил его отец, и Август удивился:

— Вы говорите о Су Чэне?

— Просто подожди, — Луи Август не подтвердил и не опроверг его слова. — Думаю, события пойдут не так, как хочет Су Хуайлан. Тот молодой человек, который вызвал у тебя синдром заложника, не так прост.

Август молчал.

<http://bllate.org/book/15394/1359581>